

Щелк — дверь палаты закрылась, и в комнате снова воцарилась тишина. И Яньци какое-то время сидел в одиночестве, затем медленно откинулся назад и оперся о спинку кровати. Его взгляд обвел пустую комнату и вернулся обратно.

Опустив длинные густые ресницы, он запрокинул голову и тихо вздохнул.

Разве он не мечтал поскорее уйти с самого пробуждения, словно побитая собака, у которой рыльце в пушку и которая панически боится разоблачения... Чего же он теперь хандрит?

— На его месте так поступил бы каждый...

Вспомнив, как он отнекивался перед Гу Цзэ, И Яньци издал короткий холодный смешок, совсем не похожий на его обычную манеру поведения.

Какая гадость, и надо же было такое произнести.

Немного успокоившись, он взял с прикроватной тумбочки телефон, набрал номер и продиктовал собеседнику автомобильный номер.

Тот самый номер джипа, который он молниеносно запомнил на горной дороге несколько минут назад.

Час спустя Гу Цзэ стоял у дверей неосвещенной палаты с пиджаком, перекинутым через левое плечо, и пакетом с заказанной на вынос жидкой рисовой кашей и легкими закусками в правой руке, с мрачной физиономией.

Хотя он действительно редко вел себя по-человечески, если бы он вот так просто взял и ушел сегодня, это было бы уже слишком бесчеловечно.

Гу Цзэ решил, что в нем все-таки осталась хоть капля совести, хотя он был куда больше уверен в том, что И Яньци уже ушел из больницы домой пахать за двоих. Так что он пришел лишь мельком взглянуть, а если пациент действительно сбежал, то он...

С чего бы этому парню и вправду уходить?! Молодой господин Гу, которому отроду не доводилось получать от ворот поворот, сделал шутливый выпад в сторону темной двери палаты.

— Мало я его все-таки отделал, надо было отходить ремнем так, чтобы он с постели встать не смог! — выругался Гу Цзэ, толкая дверь с пакетом каши в руках. Набегавшись туда-сюда, он и сам проголодался, поэтому собирался перекусить прямо в палате, а уже потом ехать ловить И Яньци в семью И.

Каково же было его удивление, когда, ворвавшись внутрь и включив свет, он нос к носу

столкнулся с сидевшим на кровати И Яньци.

Гу Цзэ немного смутился, но он никогда не занимался самоедством:

— Чего свет не зажег? Я думал, ты уже ушел.

Взгляд И Яньци скользнул по его руке вниз и остановился на свертках с едой.

Гу Цзэ на мгновение замер глазами, подошел и поставил контейнеры на небольшой столик перед И Яньци:

— Я проголодался, купил еды. Если ты тоже хочешь есть, можешь доесть то, что останется за мной.

Сказав это, Гу Цзэ тут же мысленно дал себе пощёчину: ну сколько ему лет, почему он снова несет чушь, которую обычно мелют в детских ссорах из-за пустяков?

Гу Цзэ смутно помнил один школьный поход в начальной школе, когда они с И Яньци разругались на полпути и перестали разговаривать друг с другом. К полудню, когда пришло время обеда, одноклассники радостно открыли свои коробочки с едой, и только И Яньци сидел в одиночестве в самом углу.

У него не было коробочки с едой. Перед выходом мама Гу приготовила две порции и обе отдала Гу Цзэ, наказав им пообедать вместе. Но поскольку они поссорились, обеда у И Яньци не оказалось.

Сначала Гу Цзэ подумал, что раз этот парень боится остаться голодным, то непременно придет первым просить мира, и нарочно стал созывать друзей, громко расхваливая то, как вкусна еда, которую он принес. Вокруг витал аппетитный аромат, многие подходили поглазеть, и только И Яньци сидел не шелохнувшись, чем страшно разозлил Гу Цзэ.

В конце концов он не выдержал, подбежал и швырнул одну коробочку прямо перед И Яньци:

— Мои объедки, все равно выбрасывать, так что бери, если хочешь.

И Яньци медленно открыл крышку, а там лежали до отказа набитые куриное бедышко и крылышки с яичным желтком, казалось, готовые выпрыгнуть наружу едва приоткроется коробка.

И Яньци поднял голову и вот так, держа в руках коробочку, уставился на него снизу вверх, отчего у Гу Цзэ неожиданно покраснело лицо. В бешенстве он затопал ногами:

— Чего ты на меня пялишься? Я сказал, что это объедки, хочешь — ешь, хочешь — нет!

Хотя тот не произнес ни слова, он сам разыграл целую драму, глупую до смешного — точь-в-точь как сейчас.

Но нынешний И Яньци почему-то странным образом слился с тем мальчиком с коробочкой под деревом из воспоминаний: они оба точно так же сидели, а он стоял напротив.

И Яньци смотрел на него снизу вверх, а Гу Цзэ, опустя взгляд, несколько секунд изучал его, после чего помимо своей воли брякнул:

— Когда ты так смотришь, ты все еще очень похож на себя в детстве.

Их взгляды встретились. Непонятно, только ли проснулся И Яньци или дело было в чем-то другом, но его глаза затуманила легкая поволока. В них не осталось привычного холода, зато проступило что-то наивное и... милое.

Гу Цзэ сам не заметил, как просмотрел на него так довольно долго, а опомнившись, резко отвел взгляд. Что он вообще несет? С чего бы этому парню помнить что-то из начальной школы.

— Ешь давай, я проголодался.

Гу Цзэ присел на краешек кровати, развязал пакет и достал две порции каши, немного закусок и жареную выпечку.

— Эти снеки мои, а тебе разрешено пить только кашу, — распорядился он с видом заправского деспота, словно совершенно забыл наставления врача о легкой диете для И Яньци, а просто по-детски глупо отнимал еду, как в давние годы.

— Когда ты так говоришь, ты тоже очень похож на себя в детстве, — услышал Гу Цзэ неторопливый ответ стоило ему только открыть крышку коробочки с кашей и подвинуть ее к И Яньци, и тут же недовольно цыкнул.

— Вошел во вкус, повторяя за мной? Ешь давай.

— Я о том, что ты строгим кажешься, но добрый внутри, — произнес И Яньци.

Гу Цзэ занес руку с ложкой и замер. Собеседник не смотрел на него. Оба умолкли, и на мгновение в комнате воцарилась какая-то странная атмосфера.

В этот самый момент у Гу Цзэ зазвонил телефон. Опомнившись, он опустил взгляд, положил ложку в миску И Яньци и ответил на вызов.

Это был Чжао Личуань:

— А-Цзэ, тот джип нашли.

— Так быстро? Они бросили машину? Поймали кого-нибудь?

— Насчет людей... Тут такое дело: они действительно подстраховались — после того как протаранили тебя, бросили машину у подножия горы и пересели в легковушку. Затем преспокойно выехали на мост через реку, где на середине пути их сбил грузовик и сбросил в воду. Тела пока ищут.

Слушая доносившиеся из трубки слова, И Яньци с абсолютно невозмутимым видом зачерпнул ложку каши, слегка пригубил её — она оказалась сладкой.

От автора:

Умоляю о питательной жидкости [молочный чай]

Глава 9. Витраж

Легковушку вытащили из воды, но внутри никого не оказалось. Судя по следам в салоне, выбраться из тонущей машины смогли двое, однако живы они или нет, оставалось неизвестным. Полиция проверила записи камер видеонаблюдения вдоль берега, но следов подозреваемых не обнаружила, предположительно — утонули. Тем не менее река была невероятно глубокой, и поисковые работы шли тяжело. После нескольких дней безрезультатных попыток дело пока отложили.

— Водитель грузовика утверждает, что врезался случайно. Полиция проверила его слова, но прямых улик не нашла, так что в итоге все оформили как дорожно-транспортное происшествие. Разве бывают на свете такие совпадения?

Гу Цзэ усмехнулся. Внутри него бушевало пламя, и он с такой силой сжал в руке яблоко, что оно вот-вот грозило превратиться в палочку.

Гу Цзэ смущенно кашлянул:

— Давай я тебе другое почищу.

— Не нужно.

И Яньци взял фрукт и из вежливости откусил кусочек, а затем произнес:

— Ты ведь не считаешь это случайностью.

— Конечно не случайностью, это определено...

Он осекся на полуслове, и И Яньци посмотрел на него:

— Что именно?

— Ничего.

Гу Цзэ вовремя придержал язык, проглотив словосочетание главный герой-гонг, и перевел тему донельзя неуклюже.

И Яньци вдруг показалось, что яблоко какое-то невкусное, и он больше не притрагивался к нему.

— Возможно, во всем виновата та нюхательница табака. Те двое спорили с тобой еще на аукционе, очевидно, они охотились именно за ней. Штука эта добра не принесет. Если хочешь и дальше вести беспечную жизнь молодого господина, советую отдать этот флакон мне.

Услышав это, Гу Цзэ нахмурился:

— Ты знаешь, кому принадлежала нюхательница табака?

— Не знаю.

— Врешь.

Голос Гу Цзэ понизился, и И Яньци чуть заметно вздрогнул.

Подняв глаза, он встретился со властным, непреклонным и не терпящим возражений взглядом Гу Цзэ. Под таким напором И Яньци помимо воли отвел глаза первым.

— Хочешь верь, хочешь нет, — опустил взгляд И Яньци.

Гу Цзэ уперся языком в щеку и легко усмехнулся:

— Не хочешь говорить — и не надо, в конце концов, ты не обязан отвечать на все мои вопросы, сам выясню.

Ничего не ответив, И Яньци отложил надкушенное яблоко в сторону. Этот фрукт окислялся с невероятной скоростью, и теперь на нем можно было отчетливо разглядеть неумолимый бег времени.

Они больше не разговаривали. В течении нескольких десятков минут, пока каждый был занят своими делами, некогда сочная и прозрачная мякоть постепенно увядала, покрываясь глубокими бурыми пятнами, похожими то ли на ржавчину, то ли на шрамы, отчего вид у яблока становился совершенно неаппетитным.

Гу Цзэ закинул ногу на ногу и ковырялся в телефоне, но боковым зрением то и дело замечал этот злосчастный фрукт, который казался ему невероятно раздражающим.

Еще немного погодя он наконец потерял терпение, протянул руку и попытался отправить яблоко в урну. Но неожиданно столкнулся рукой с И Яньци, который тоже тянулся к плоду.

В следующее мгновение И Яньци резко отдернул руку на пару сантиметров, будто дотрагиваться до Гу Цзэ было выше его сил.

В Гу Цзэ взыграл бунтарский дух, он любил делать всё наперекор. Одним движением перехватив запястье И Яньци, он зажал его тонкие пальцы в своей широкой ладони:

— Что такое, у меня на руке шипы? Или я тебя насмерть уколол?

С каменным лицом бросил он колкость, на что И Яньци с точно таким же непроницаемым выражением отбил выпад:

— Не все разделяют твою страсть к избыточным телесным контактам.

Уголки губ Гу Цзэ дернулись. Разожав руку И Яньци, он испытал одновременно недоумение и раздражение:

— Каким же ты меня, черт возьми, видишь? Скажу тебе прямо: я чистокровный девственник, хватит вечно вешать на меня всякие ярлыки.

Зазвонил телефон. Бросив взгляд на экран, Гу Цзэ вышел на балкон, так и не заметив потрясенного выражения на лице И Яньци. А когда вернулся, то увидел, что избалованный и высокомерный генеральный директор И опустив глаза с аппетитом обгрызает пожелтевший

яблочный огрызок.

Выходит, тянулся он вовсе не для того, чтобы выбросить?

— Когда я только почистил, ты не ел, чего теперь жуешь? Брось, я тебе другое почищу.

— Не надо, это очень сладкое.

— Еще бы, я же покупал, с чего бы ему быть несладким.

Гу Цзэ все-таки взял еще одно яблоко и принялся за дело. Молча почистив его какое-то время, он бросил взгляд на И Яньци. Заметив, что тот действительно молча доел предложенное, он счел это протянутой с той стороны ветвью мира и прекратил холодную войну.

— Ты сегодня выписываешься, вечером приедут папа с мамой, поужинаем вместе. То, о чём я говорил тебе в прошлый раз — насчет того, чтобы заняться делом, — я не шутил. Я собираюсь сказать родителям, что хочу выйти на работу в компанию на какую-нибудь должность. Они могут не сразу согласиться, так что не забудь замолвить за меня словечко.

— Твоя машина больше не годится для поездок, я куплю тебе другую. Помню, тебе нравился тот Кайен, я попросил знакомых поискать, но модель старовата, так что на поиски уйдет какое-то время. Пережди пока, покайся на чем-нибудь другом, поищи машину покрепче...

Стоило Гу Цзэ завести пластинку, как его речи становились бесконечными. И Яньци слушал с совершенно спокойным выражением лица. Его правая рука, лежавшая поверх покрывала, медленно раскрылась, ладонью ловя падающие наискосок лучи полуденного солнца. Он чуть сжал пальцы в кулак — поймать ничего не удалось, но на душе всё равно стало тепло.

<http://bllate.org/book/25762/3080265>